

СЕДЬМОЙ ЭТАЖ

Гришина Татьяна

Седьмой этаж

«Автор»

2026

Татьяна Г. С.

Седьмой этаж / Г. С. Татьяна — «Автор», 2026

Старинный отель «Эхо» встречает гостей лимонным запахом холла, зеркалами в золочёных рамах и безупречными улыбками персонала. Слишком безупречными: здесь слишком тихие коридоры и слишком много этажей, куда гостям вход заказан. Сюда после долгой дороги приезжает большая семья: Том, его жена Анита и их дочь Милана, сестра Тома Тина с младенцем и четырёхлетней дочкой, их мать Эмма Смит и её вторая невестка Лара с девятилетней Лизой. Девять человек, огромный номер на втором этаже, обычный отпуск: булочки на завтрак, бассейн, прогулки. Но у «Эхо» есть свои правила: вопросы, которые не задают вслух, и ночи, когда наверху скрипят служебные лифты. Семья не подозревает, что, пока они распаковывают чемоданы, отель уже решает, кого оставить, а кто — просто гость. С каждым днём они всё ближе к правде, которую предпочли бы не знать. И чем глубже они заходят, тем яснее одно: выехать из «Эхо» будет намного сложнее, чем заехать.

© Татьяна Г. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Гришина Татьяна

Седьмой этаж

Глава 1

Предупреждение:

В произведении затрагиваются тяжелые темы: насилие, торговля людьми. Контент предназначен для читателей старше 18 лет.

Отель «Эхо»

Они ехали сюда девять часов, и за последние полтора часа машина превратилась в передвижной детский сад. Анита вела, Том дремал на пассажирском сиденье, а Милана сидела сзади с планшетом и время от времени сообщала вслух, что «осталось сто километров», «осталось восемьдесят» и «у нас закончилось печенье».

За ними, в тёмно-синем универсале с багажным боксом на крыше, ехала Тина с двумя детьми. Тина вела так, как ведут женщины, у которых в салоне восьмимесячный ребёнок: аккуратно, но с затаённой яростью ко всем, кто смеет плестись в левом ряду. Элла спала в кресле, Моника сидела рядом и по сто тридцатому разу раз крутила головой кукле, которая, судя по всему, этого не переживёт.

Эмма Смит, шестьдесят семь лет, мать Тома и Тины, ехала на переднем сиденье рядом с дочерью, как капитан на корабле. Она не спала ни минуты за всю дорогу — просто смотрела в окно, на выгоревшие поля, серые посёлки и бензоколонки, и думала о чём-то своём.

Третья машина, старенькая, но ухоженная, шла последней. Лара вела спокойно, слушала, как Лиза читает вслух из энциклопедии про океаны, и не перебивала. Лиза читала громко и с чувством, потому что считала, что мама должна узнавать мир из правильных источников.

Отель «Эхо» они увидели почти одновременно — он вырос из-за поворота неожиданно, как будто ждал их: старинное здание с колоннами, тяжёлыми окнами и фонарями вдоль подъездной дорожки. Три машины свернули на парковку одна за другой, и на мгновение показалось, что это не случайность, а встреча.

Анита заглушила двигатель и выдохнула: — Доехали. Девять часов на пятой точке. Я хочу лёд, душ и полчаса тишины.

— Тишины у нас не будет, — напомнил Том, не открывая глаз.

— У нас номер на девять человек, если ты забыла.

Милана высунулась из окна: — Смотрите, какой красивый!

Это же старый особняк, да?

— Это отель «Эхо», — сказал Том, открывая дверь.

— Раньше, говорят, здесь был санаторий. Или что-то в этом роде.

Он потянулся, разминая спину, и — старая привычка, от которой он не избавился за десять лет после полиции, — сразу окинул взглядом подходы: камеры над входом, две, одна прикрыта веткой; охранник у двери, пожилой, скужающий; освещение на парковке, светлое, но с тёмными провалами у служебного крыла. Он всё это отметил машинально и так же машинально забыл.

Или почти забыл.

Внутри было прохладно и пахло лимоном, полированным деревом и чем-то ещё — старым, тяжёлым, как запах в музеях, где слишком долго никто не открывал окна. Холл был высоким, с зеркалами в золочёных рамах и люстрой, которая, судя по всему, помнила ещё санаторные времена.

За стойкой ресепшена стояла женщина. Среднего роста, молодая, с чёрными как ночь волосами, собранными в низкий пучок, и улыбкой, которая была идеально ровной — словно её выстроили по линейке.

— Добро пожаловать в «Эхо». Вы Смиты?

Анита кивнула, достала паспорта.

— Мы бронировали большой номер. На втором этаже.

— Всё верно, — администратор быстро защёлкала клавишами, глядя в монитор.

— Огромный номер, три спальни, гостиная, кухня. Детей разместим... — она скользнула взглядом по Милане и чуть задержалась, — ...удобно.

Том этого не заметил. Анита — заметила. Но списала на то, что администратор просто считает гостей, прежде чем раздать ключи.

— Меня зовут Майла, — представилась женщина.

— Если что-то понадобится — в любое время, я на связи.

Улыбка. Безупречная.

В это время в холл ввалились остальные. Тина вошла первой, с Эллой на одной руке и сумкой на плече, а Моника вцепилась в её штанину, как якорь. За ними, не спеша, вошла Эмма — высокая, подтянутая, в простом сером платье, с седыми волосами, убранными назад. Она оглядела холл спокойно, как оглядывают помещение, в котором собираешься ночевать и которое заранее не одобряешь. Из дверей подтянулась и Лара с Лизой — Лиза тут же уставилась на люстру и на зеркала, трогая всё подряд.

— Мы все вместе? — уточнила Анита.

— Вместе, — подтвердила Майла.

— По вашей брони — все в один номер.

Двери между спальнями есть, но общая гостиная одна.

Вы же семья, — она улыбнулась так, будто это было приятным фактом.

— Поднимут вещи. Завтрак с семи до десяти, ужин до девяти. Ресторан на первом этаже, справа.

— А что на седьмом? — вдруг спросила Лиза. Все обернулись.

Майла моргнула. Один раз. Улыбка никуда не делась, но на долю секунды стала другой — натянутой, как холст, на котором подсохла краска.

— На седьмом — технические этажи. Служебные помещения, склад, котельная. Гостям туда не нужно.

— А лифт туда ездит? — не унималась Лиза.

— Туда ездит отдельный служебный лифт.

Майла уже снова была идеальной. — Вам туда незачем, там скучно. Гостиница и гости-ница.

Эмма ничего не сказала. Она просто стояла и слушала, как слушает человек, который всю жизнь умел задавать неудобные вопросы — и знал цену удобным ответам.

В этот момент из-за колонны вышел мужчина. Высокий, выше Тома на полголовы, в чёрном смокинге, хотя на улице стояла жара. Седой, с короткой седой щетиной на щеках и подбородке. У него была улыбка — кривая, злая, как порез, и глаза, которые смотрели на людей так, будто считали их. Не гостей. Просто людей.

— Бэйн, — представил он себя, не протягивая руки.

— Директор отеля. Устраивайтесь, отдыхайте. Здесь тихо. Очень тихо.

Он посмотрел на компанию — на женщин, на девочек, на Аниту, чуть дольше задержавшись на ней, — коротко, но так, что это было похоже на взвешивание. Потом развернулся и ушёл в ту сторону, откуда пришёл.

— Станный тип, — шепнула Тина Аните.

— Директор с курорта «Забудьте о детях», — ответила Анита.

— Но номер у нас хороший. Пойдём посмотрим.

Номер на втором этаже был действительно огромным: три спальни, кухня, гостиная с балконом, из которого виднелся парк и та самая парковка. Высокие потолки, тяжёлые шторы, мебель, которая помнила лучшие времена — и чувствовала себя в них неуютно.

Распределились быстро. Анита и Том с Миланой — спальня налево. Тина с Эллой и Моникой — направо. Эмма взяла маленькую комнату у кухни — «мне много не надо». Лару с Лизой поселили в гостиной на раскладном диване, потому что Лара сказала: «Лиза всё равно не заснёт, пока не изучит всю квартиру геометрически».

Началась обычная отельная рутина, знакомая каждому, кто ездил с детьми: распаковка чемоданов, поиск бутылочки, поиск зарядки, поиск второй зарядки, ссора из-за пульта, торг за то, кто первый идёт в душ. Элла хныкала от усталости, Моника прыгала на кровати, Милана раскладывала блокнот и рисовала план номера — она всегда так делала в новых местах. Лиза ходила по углам и трогала всё подряд.

Заселение заняло почти час — как всегда, когда девять человек делят один номер. Том соединил телевизор с планшетом Миланы, чтобы она смотрела мультики «по-взрослому», Анита развесила вещи в шкаф, который пах нафталином и чужими отпусками. Тина укладывала Эллу, которая после дороги категорически отказывалась признавать, что кроватка — это её личная трибуна для протеста. Моника успела трижды переодеть куклу, один раз — себя и один раз — кошку, которой не было.

— Мне нужна ванная в ближайшие десять минут, — объявила Лара, появляясь из гостиной с полотенцем. — Иначе я начну расчесываться вилкой.

— Вилка в гостиной, — сказала Лиза, не отрываясь от люстры, которую она мысленно измеряла в попугаях.

— Спасибо, доченька.

Эмма, как всегда, обустроилась быстрее всех. Её комната у кухни была приведена в порядок за четыре минуты: вещи в шкаф, кровать расправлена, на тумбочке — очки и книга в твёрдом переплёте. Она вышла в коридор, прислушалась к шуму из гостиной и сказала в пространство:

— Пойду посмотрю ресторан. Чтобы к ужину никто не упал в голодный обморок.

Том вызвался с ней. Он всегда вызывался — за десять лет в полиции привык проверять места заранее, а Эмма привыкла, что сын ходит с ней, как когда-то ходил в школу. Она не спрашивала, зачем. Мать-свекровь, умевшая задавать неудобные вопросы, давно выбрала те, на которые ей действительно нужны были ответы.

Ресторан был большим, с колоннами и тяжёлыми скатертями, и к шести часам вечера почти пустым. За столиком у окна сидела пара — мужчина и женщина лет шестидесяти, молча резали салаты. У стены стоял пожилой официант и смотрел в одну точку, как человек, который давно перестал считать гостей людьми.

— Здесь вкусно пахнет, — сказала Эмма, садясь.

— Но пахнет так, будто вкусно было лет пять назад.

Том усмехнулся, сел напротив и посмотрел на неё. Она выглядела уставшей — впервые за весь день, может быть, впервые за всю поездку.

— Ты в порядке, мам?

— Я в порядке. Просто долгая дорога. — Она помолчала, взяла меню и добавила, не поднимая глаз: — Отель странный.

— Все старые отели странные.

— Я не про старые. Эмма подняла взгляд.

— Ты заметил: у неё на стойке три телефона. Один из них — внутренний, на четыре кнопки. Ты знаешь, что это?

Том покачал головой.

— Это селектор. Четыре этажа. В старых санаториях так вызывали горничных. А здесь она один раз провела по нему рукой — когда мы вошли. Не нажала. Просто провела. Как по лицу.

— Эмма перевернула страницу меню.

— Наверное, я слишком много смотрю детективов. Не обращай внимания.

Но Том молчал. За десять лет в полиции он научился не обращать внимания на такие вещи — и помнил, что всегда зря.

Ужин был шумным и долгим, как положено ужину большой семьи. Моника уронила вилку, подняла её, уронила ложку, потом снова вилку. Элла, наевшись, уснула прямо в переноске на стуле, и все по очереди подходили посмотреть, как она спит, и каждый говорил одно и то же: «Как ангел». Милана нарисовала на салфетке план ресторана и отметила крестиком место, где висела самая красивая люстра. Лиза съела десерт и вторую половину десерта Моника и заявила, что отель «в целом неплох, но люстра в холле лучше».

Бэйн в ресторан не пришёл. Зато один раз мимо прошла Майла — уже без фирменной улыбки, с какими-то бумагами в руках, торопливо, в сторону служебной двери за стойкой. Анита проводила её взглядом.

— Ты заметила, — тихо сказала она Тине, — она улыбалась, когда мы заселялись.

А сейчас — нет.

— Может, просто устала. Люди устают.

— Люди — да. А у неё улыбка как форма одежды. Если сняла — значит, что-то случилось.

— Анита, — Тина отправила в рот кусок хлеба, — ты устала больше всех. Девять часов за рулём. Пей чай и не ищи заговоры в гостинице для пенсионеров.

Анита пила чай. И, по большому счёту, не искала заговоры. Просто впервые за долгую дорогу у неё было время смотреть по сторонам — а смотреть по сторонам она привыкла внимательно.

Вечер закончился быстро и по-семейному скучно. Дети мылись, ссорились из-за полотенец, смотрели мультики, требовали ещё мультики, получали по второму стакану воды и третью сказку на ночь. Том вышел на балкон подышать — парк в темноте был чёрным и ровным, как озеро. Далеко, у служебного крыла, горел одинокий фонарь, и под ним стояла машина — тёмная, без номеров, — которой, кажется, не было на парковке, когда они приехали.

Том посмотрел на неё минуту. Потом зевнул, решил, что это машина персонала, и пошёл спать.

В номере было тихо. За стеной — у Тины — посапывала Элла. В гостиной Лара читала Лизе про китов, и голос её терялся в скрипе старого дивана. Анита уже спала, уткнувшись носом в подушку, и Милана тоже спала — с планшетом на животе, и в синем свете экрана лицо у неё было спокойным, как будто снился ей хороший сон.

Том лежал на спине и смотрел в высокий, тёмный потолок. Отель молчал. И в этой тишине — через потолок, сверху — ему показалось, что кто-то прошёл. Тяжело. В башмаках. А потом ещё один шаг — и всё стихло.

Наверное, этажом выше просто убирают. Или переносят мебель. В старых домах всегда что-то гремит.

Том закрыл глаза и через минуту уснул.

А на седьмом этаже, о котором никто из них ничего не знал, в этот же самый час открылась дверь служебного лифта — та самая, которую Лиза спрашивала про «едет или не едет». Лифт ездил. И он приехал не пустой.

Дверь закрылась.

Отель «Эхо» молчал дальше — как умеют молчать только здания, у которых есть что скрывать.

Глава 2

Первый день .

Утро началось с Эллы.

В шесть сорок семь она открыла глаза, оценила обстановку и объявила всему отелю, что день можно начинать. Тина, спавшая чутко — как спят матери восьмимесячных детей, то есть одним ухом и одной ноздрёй, — встала сразу и унесла её в гостиную, чтобы не разбудить Монику. Моника спала, раскинувшись звёздочкой, и во сне улыбалась: наверное, ей снился тот самый день, когда кукла наконец сломается по-настоящему.

Анита проснулась от запаха кофе. Том, оказывается, уже ходил в ресторан, принёс поднос с чашками, круассанами и запиской от Эммы: «Ушла в парк. Не ждите. Завтрак в ресторане до десяти, я проверила: яйца свежие, каша невкусная».

— Мама встала раньше всех, — сказала Анита, садясь. — Это нормально?

— Она всегда встаёт раньше всех, — Том протянул ей чашку.

— В шестьдесят семь лет у неё режим, которому позавидует казарма. Люди, которые так встают, обычно либо очень дисциплинированные, либо очень недоверчивые.

— А она какая?

— Дисциплинированная недоверчивая. — Том сел рядом. — Как все хорошие матери.

Милана примчалась на запах круассанов, и завтрак в номере прошёл шумно и по-домашнему. Моника пришла в гостиную с куклой без головы, Лара подняла брови, а Тина, не оборачиваясь от плиты, сказала: «Голова вчера была на балконе. Кто последний принёс её оттуда, тот и виноват». Лиза, которая была последней, принесла голову и приклеила её обратно скотчем, скотч был телесного цвета, и теперь кукла выглядела так, будто пережила небольшую аварию.

— Мы сегодня что-нибудь делаем? — спросила Милана, доедая круассан.

— Да, — сказал Том.

— У вас, по-моему, бассейн. На первом этаже, в левом крыле. Я видел табличку вчера.

— Бассейн! — Милана с Лизой переглянулись с таким видом, будто им предложили поездку в космос.

— Завтрак в ресторане, потом бассейн, — подытожила Анита.

— Тина, ты с нами?

— Я с Эллой у бассейна не выживу, — честно сказала Тина.

— Она спит в десять, в двенадцать и в три. Мы тут устроим режим: я — в номере, она — в коляске, Моника — в планшете. Зато вечером буду как новая.

— Я останусь с вами, — сказала Эмма, появляясь в дверях с веточкой в руке, что сорвала в парке.

— В бассейне я буду сидеть с видом чучела, а здесь хотя бы почитаю.

— Смотрите, — Лара надела очки и подняла руку, как на собрании. — Я предлагаю так: взрослые по очереди дежурят у бассейна, а дети — плавают. Лиза умеет плавать, я проверяла. Милана умеет. Моника — не умеет.

— Моника умеет не тонуть, — поправила Тина. — Это главное.

Утро в ресторане прошло так, как проходят утра большой семьи в отеле: кто-то забыл ложку, кто-то встал за добавкой, кто-то рассыпал сахар, и все одновременно говорили, перебивая друг друга. Эмма сидела в углу с книгой и чаем и периодически поднимала голову, чтобы посмотреть на своих — как смотрят на картину, которую знают наизусть, но всё равно перечитывают глазами, потому что картина любимая.

Анита поймала себя на том, что смотрит на холл. Стыдно признаться — но она смотрела на стойку ресепшен. Майлы за стойкой не было: там стоял другой человек — мужчина лет сорока, полный, в очках, который обслуживал гостей быстро и без улыбки как автомат. Анита

проводила его взглядом и поймала себя на странной мысли: она не знала, как его зовут. Вчера она знала имя администратора, потому что та сама представилась — и сделала это слишком быстро, слишком ровно, как будто имя было частью того самого «добро пожаловать».

— Ты опять смотришь на стойку, — сказала ей Тина.

— Я тебя знаю. Ты смотришь, когда думаешь, что что-то не так.

— Я просто смотрю. — Анита отвернулась.

— Ты права. Я вчера устала и напридумывала.

Лара устроилась на лежаке с книгой — но читала её вполглаза, потому что материнский радар работал лучше любого сюжета.

Вода была тёплая. За окном бассейна — парк, зелёный, спокойный, с дорожками и старыми липами. Анита смотрела, как Милана учит Лизу нырять, и думала, что вчерашние мысли про «странный отель» — это просто усталость после девяти часов дороги. Всё на самом деле обычное. Обычный отель, обычный день, обычная семья. Даже директор с его кривой улыбкой — просто тип, каких полно. У неё у самой сестра двоюродная с таким лицом, что её в детстве принимали за злую, а она, между прочим, самая добрая в семье.

Да. Всё обычное.

После бассейна был обед, потом тихий час, в который никто не спал кроме Эллы — Моника прыгала, Лиза читала про моллюсков, Милана рисовала, а Элла, уснула ровно на полтора часа и поставила рекорд спокойствия. Том сходил в парк, вернулся с выгоревшим носом и заявлением, что «там лавочки, и оттуда видно нашу парковку».

— Зачем тебе смотреть на парковку? — спросила Анита.

— Привычка. — Том сел, вытянул ноги.

— Вчера там стояла машина без номеров. Уехала.

— И что?

— Ничего. Просто заметил.

Вечером, после ужина, Том и Тина вышли покурить на улицу — у них была старая семейная традиция: брат и сестра, которые курят по-разному: Том медленно, Тина быстро, с видом человека, который делает это назло всем диетологам мира.

— Как тебе отель? — спросила Тина, затягиваясь.

— Нормально. — Том пожал плечами.

— Старый, но чистый. Детям нравится. — А тебе?

— Мне тоже. — Том посмотрел на здание. В окнах второго этажа горел тёплый свет — их номер. За ним, выше, окна были тёмными. Начиная с четвёртого этажа — все тёмные.

— Только вот что: здесь почти нет гостей. Ты заметила?

— Заметила. — Тина посмотрела на брата.

— Ресторан вечером — мы, пара у окна и всё. Коридоры пустые. А отель на вид — на сотни номеров.

— Ага.

Они помолчали. Свежий вечерний воздух, стрекот сверчков, дальний гул трассы.

— Ладно, — Тина потушила сигарету.

— Может, просто сезон не тот. Или отель дорогой, вот и пустует. Не думай об этом, Том. У нас отпуск.

— Да. — Кивнул Том. — Отпуск.

Они вернулись в номер. Дети уже спали — по-настоящему, без протестов, намаявшись за день в бассейне и в парке. Анита сидела в гостиной с чаем, Лара ушла читать Лизе про китов, Эмма — в свою комнату, к книге.

Ночь была тёплой. Том открыл балконную дверь, чтобы проветрить, и постоял минуту, глядя на тёмный парк. Отель молчал. Даже сверчки, казалось, притихли.

И в этот момент — сверху, снова через потолок — раздался звук.

Не шаги. Что-то другое. Короткий, глухой удар, как будто уронили что-то тяжёлое на пол. А потом — тишина.

Том замер. Послушал. Но отель молчал, и через минуту он решил, что это, наверное, упала книга в чьём-то номере. Или что-то ещё — в старых зданиях всегда что-то падает, скрипит и стучит.

Он лёг, закрыл глаза и уснул.

Анита сидела в гостиной, обхватив ладонями тёплую чашку, и, сама не зная почему, смотрела в тёмное окно — на верхние этажи, где не горел ни один огонь. Седьмой было не видно.

Она зевнула и пошла спать.

Первый день в «Эхо» закончился. Второй — начался тихо, как начинаются дни, после которых жизнь меняется навсегда.

Глава 3

Первый звоночек .

Третий день начался с дождя. Серого, такого, каким умеют поливать только старые курортные города — без спешки, со вкусом, будто дождю некуда торопиться. Парк за окнами стал мокрым и тихим, и даже сверчки, которые всю ночь работали сверхурочно, наконец замолчали.

- Отлично, — объявила Моника, глядя в окно.
- Теперь мы будем сидеть в номере, и мне станет скучно.
- Скука полезная, — сказала Тина, кормя Эллу. — Она развивает фантазию.
- *А мне не нужна фантазия,* — сказала Моника, глядя в окно.
- *Мне нужен мультик.*

Лара предложила сходить в парк «под зонтиками — дождь же тёплый», но голосование прошло со счётом пять к трём в пользу номера. Победила идея Миланы устроить «день настолок»: нашли в шкафу пыльную коробку с шахматами без половины фигур, домино и колоду карт, от которой пахло чужими руками и чужими вечерами.

- Играем в «дурака», — объявила Анита.
- Правила простые: никто не плачет, мама не поддаётся.
- Мама всегда говорит, что не поддаётся, — заметила Милана.
- А потом поддаётся.
- Это называется педагогика, — сказал Том и тут же получил от дочери карту в лоб.

Шахматами без половины фигур играли в «кто кого съест», и съедали все подряд, даже короля с дыркой вместо головы. Моника выиграла дважды и объявила себя чемпионкой мира. Лиза трижды переписала правила домино и один раз — правила парковки, потому что ей показалось, что правила парковки написаны неправильно.

Эмма сидела с книгой у окна и слушала, как её семья шумит за спиной. Так она делала всегда: читала вполглаза, а на самом деле пересчитывала голоса — все ли на месте, все ли смеются, не плачет ли кто тихо в углу. Она ничего не говорила, но, когда в комнате вдруг наступала пауза тишины дольше минуты, поднимала голову от книги и считала заново. Голоса сходились.

К обеду дождь кончился, но выходить никому уже не хотелось. День перевалил за середину, и в номере запахло той самой отельной ленью, когда все сыты, вымыты и никуда не спешат. Том заявил, что пойдёт «проветрит голову», и вышел в коридор.

Он шёл по второму этажу не спеша, разглядывая картины — какие-то пейзажи, выцветшие, в тяжёлых рамах. На третьем этаже коридор был такой же, только ковровая дорожка светлее. На четвёртом — такая же. Том шёл по лестнице пешком, потому что лифт в старых отелях навевал тоску.

На площадке между пятым и шестым этажом он услышал голоса. Низкие, мужские.

Сначала Том не придавал этому значения — просто кто-то разговаривает, мало ли. Но потом он услышал звук, от которого остановился: металлический лязг. Так звучит дверь, которую открывают не рукой, а ключ-картой — и закрывают, придерживая плечом, чтобы не хлопнула.

Том сделал шаг вверх, к повороту лестницы, и осторожно выглянул.

Коридор шестого этажа был пуст. Но в самом его конце, у служебной двери без таблички, стояли двое. Оба в тёмной одежде, оба большие, с рациями на поясе. Один держал связку ключей, второй — планшет. Они не разговаривали, просто стояли перед дверью, как будто ждали чего-то. Или кого-то.

Том постоял секунду, потом шагнул назад, на площадку, и пошёл вниз.

— Ну что, проветрил? — спросила Анита, когда он вернулся.

— Проветрил, — ответил Том. Помолчал и добавил:

— Там на шестом, у служебной двери, двое охранников стоят. Просто стоят. Как будто ждут.

— Так, может, ждут. Смену или кого-то.

— Может. — Том сел.

— Только на лестнице висит табличка:

«Гостям выше пятого этажа не подниматься».

Я её только сейчас заметил. Стоит давно, судя по виду.

— Ну и что? — Анита пожала плечами.

— Технические этажи, ты же видел. Склад, котельная. Туда и гостям незачем.

— Да, — согласился Том. — Наверное.

Он не сказал Аните, что дверь, у которой стояли охранники, была не складской. Он не сказал, что заметил под ней полосу света — жёлтую, тёплую, как будто за дверью был не склад, а коридор с лампами. Он не сказал и про то, что один из охранников, тот, что с планшетом, смотрел не на дверь, а вниз — на лестницу. Прямо туда, где стоял Том.

Может, показалось. Может, охранник просто смотрел в коридор.

Том решил, что показалось. И почти поверил.

Вечером, пока дети смотрели мультики, взрослые собрались на кухне. Эмма заварила чай — по своему рецепту, с мятой и чем-то ещё, что она никогда не признавала и держала в отдельной баночке с надписью «не трогать». Тина разложила печенье. Лара чистила апельсин так, как чистит апельсин врач: аккуратно, до блеска.

— Том рассказал про охранников на шестом, — сказала Анита. — Я думаю, ерунда. Но у меня с первого дня что-то не складывается. Не могу объяснить.

— У меня тоже, — призналась Тина.

— Только я думала, что это я после дороги с ребёнком с ума схожу. У нас в номере вчера вечером стучали в стену. Три раза.

Я постучала в ответ — тишина. Потом ещё раз — снова тишина.

— Соседи, — сказала Лара. .

— Мы в угловом номере, — тихо сказала Тина.

— По ту сторону стены — улица.

На кухне стало тихо.

— Значит, так, — Эмма поставила чашку, и её голос был спокойным, как у человека, который всю жизнь принимал решения за других и привык, что они слушаются.

— Том, ты завтра сходишь на ресепшен и спросишь про экскурсии. Просто спросишь, по-человечески. Если нам скажут, что вокруг есть что посмотреть, — съездим на день куда-нибудь, проветримся. Детям полезно. А если начнут отговаривать — значит, нам тут не рады, и тогда мы подумаем, что делать дальше.

— А если нам просто скажут, что вокруг ничего нет? — спросил Том.

— Тогда мы поверим, — ответила Эмма.

— И все разойдутся спать спокойно. Ты же сам сказал: наверное, показалось.

— Наверное, — повторил Том.

Ночью Анита проснулась от того, что Том лежал на спине с открытыми глазами.

— Не спишь? — шепнула она.

— Сплю. — Он закрыл глаза. — Просто думаю.

— О чём?

— О лестнице. О том, что охранник смотрел не на дверь, а на лестницу. Как будто ждал, что кто-то поднимется. Или наоборот — боялся, что кто-то поднимется.

Анита помолчала.

— Завтра спросишь про экскурсии, — сказала она. — И всё выяснится.

— Всё выяснится, — согласился Том.

Оба знали: ничего не выяснится. Но оба сделали вид, что поверили — потому что так спокойнее, а спокойствие в отпуске с детьми дороже правды.

Наверху, на шестом этаже, в этот час у служебной двери снова стояли двое. Один держал рацию. Второй — планшет, на котором горел список из девяти фамилий. Список начинался со слова «СМИТЫ». Напротив трёх фамилий стояли галочки — аккуратные, синие, будто ставил их тот, кто любит порядок.

Дверь за ними приоткрылась — в коридор легла полоса тёплого света. Кто-то что-то сказал — тихо, одним словом. Охранники кивнули и вошли внутрь.

Дверь закрылась.

Отель «Эхо» спал. Но спал он, как спят здания, которые ждут — не утра, а чего-то другого. Чего-то, что уже решено.

Глава 4

Выдох.

Утром дождя не было.

Вместо него — солнце, мягкое, утреннее. После вчерашнего дождя парк за окнами стоял свежий, будто заново родился.

На завтраке Эмма первая сказала то, что все думали:

— Раз уж мы здесь, надо посмотреть, что вокруг. Том, ты спрашивал?

— Спрашивал, — Том отложил вилку.

— За холмом старый монастырь, к нему ведёт дорога вдоль реки. Ещё говорят, там рынок по четвергам. А четверг — сегодня.

— Рынок! — Лиза подняла руку.

— Я читала, что на старых рынках продают мёд в сотах и варенье из одуванчиков.

— Ты читала, что на рынках продают всё, — заметила Лара.

— Но мёд в сотах — это аргумент.

Сборы заняли час — как всегда, когда собираются девять человек, из них четверо детей и один восьмимесячный ребёнок, который в это утро решил, что коляска — личное оскорбление. Пока Тина успокаивала Эллу, Моника надела на куклу с заклеенной головой шляпу и объявила, что та «едет на экскурсию первой».

Милана взяла блокнот — «буду зарисовывать монастырь», — а Лиза взяла энциклопедию: «вдруг там есть слова, которые я ещё не знаю».

Том сел за руль тёмно-синего универсала с Тиной, Эллой и Моникой.

Анита — на другой машине, с Миланой, Эммой, Ларой и Лизой. Эмма поехала с Анитой, на переднем сиденье, и всю дорогу смотрела в окно — как тогда, в первый день, только теперь лицо у неё было спокойное, почти домашнее.

Дорога вдоль реки была красивой: зелёные берега, старые мосты, лодки, которые, судя по виду, не плавали лет двадцать, но от этого становились только живописнее. Милана рисовала в блокноте. Лиза читала вслух про монахов — «они жили в кельях и писали книги». Моника заснула на заднем сиденье, держа куклу за ногу, как за руку.

Монастырь оказался большим, тихим и очень старым — с толстыми стенами, в которых гуляло эхо, и трапезной, где пахло воском и хлебом.

Дети бегали по двору, а взрослые шли медленно, как ходят люди, которым впервые за несколько дней некуда торопиться.

— Здесь хорошо, — сказала Анита, садясь на каменную ограду. — Тихо.

— Тихо, — согласился Том. Он постоял рядом и добавил:

— Знаешь, я, наверное, вчера просто перетрудился. Ну, лестница, охранники. Думаешь одно, а на самом деле — обычный отель.

— Обычный, — повторила Анита.

Она хотела сказать что-то ещё, но тут подбежала Милана с блокнотом — «смотри, я нарисовала колокольню, только она получилась кривая, потому что колокольня сама кривая», — и разговор прервался сам собой.

Рынок был шумный, пёстрый, с запахом мёда, жареных орехов и мокрой зелени. Лара купила два горшочка варенья из одуванчиков —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.